

Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет ввек.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек
© Карамзин

Из сборника "Черным по белому", Санкт-Петербург, 1913 год.

Аркадий Аверченко,
Клусачев и Туркин (Верх автомобиля)

Вглядитесь повнимательнее в мой портрет... В уголках губ и в уголках глаз вы заметите выражение мягкости и доброты, которая, очевидно, свила себе чрезвычайно прочное гнездо. Доброты здесь столько, что её с избытком хватило бы на десяток других углов губ и глаз.

Очевидно, это качество, эти черточки доброты, не случайные, а прирожденные, потому что от воды и мыла они не сходят, и сколько ни тер я эти места полотенцем — доброта сияла из уголков губ и уголков глаз еще ярче. Так, — вода может замесить придорожную пыль в грязь, но та же вода заставляет блестеть и сверкать свежие изумрудные листочки на придорожных кустах.

Мне хочется, чтобы всем вокруг было хорошо, и, если бы наше бездарное правительство опомнилось, и пригласило меня на должность бесплатного советчика — может быть, из наших общих стараний что-нибудь бы и вышло.

В частной жизни я стремлюсь к тому же: чтобы всем было хорошо. Откуда у меня эта Маниловская черта — я и сам хорошенько не разберусь.

Однажды, весной, мой приятель Туркин сказал мне вскользь, во время нашего катанья на Туркинском автомобиле:

— Вот скоро лето. Нужно подумать о том, чтобы снять этот тяжелый автомобильный верх и сделать летний откидной, парусиновый.

— Парусиновый? — переспросил я, думая о чем-то другом.

— Парусиновый.

— Автомобильный, парусиновый?

— Ну, конечно.

— Вот прекрасный случай! — обрадовался я. — Как раз вчера я встретился с приятелем, которого не видел года два. Теперь он управляющий автомобильным заводом, здесь же в Петербурге. Закажите ему!

Мысль у меня была простая и самая христианская:

Туркин хороший человек, и Клусачев хороший человек. У Туркина есть нужда в верхе,

у Клусачева — возможность это сделать. Пусть Клусачев сделает это Туркину, они познакомятся, и, вообще, все будет приятно. И всякий из них втайне будет думать:

— Вишь ты, какой хороший человек этот Аверченко. Как хорошо все устроил: один из нас имеет верх, другой заработал на этом, и, кроме того, каждый из нас приобрел по очень симпатичному знакомому.

Все эти соображения чрезвычайно меня утешили.

— Право, закажите Клусачеву, — посоветовал я.

Туркин задумчиво вытянул губы трубочкой, будто для поцелуя.

— Клусачеву? Право не знаю. Может быть, он сдерет за это?.. Впрочем, если это ваша рекомендация — хорошо! Так я и сделаю, как вы настаиваете.

Дело сразу потеряло вкус и приняло странный оборот: вовсе я ни на чем не настаивал; лично мне это не приносило никакой пользы и являлось затеей чисто филантропической, а выходило так, будто Туркин сделал мне какое-то одолжение, а я за это, с своей стороны, должен взвалить на свои плечи ответственность за Клусачева.

Я промолчал, а про себя подумал:

— Бог с ними. Зачем мне возиться... Туркин пусть забудет об этом разговоре и закажет этот верх кому-нибудь другому.

Но Туркин относился ко мне поразительно хорошо: через неделю, встретившись со мной, он озабоченно взял меня за плечо и сказал:

— Ну, что же вы? Я никому не заказывал автомобильного верха и жду вашего приятеля Трепачева. Где же ваш Трепачев?

— Клусачев, а не Трепачев.

— Пусть Клусачев, но мерку-то он должен снять? Я из-за него никому не заказал, а уже на-днях лето.

— Хорошо, — сказал я. — Я увижусь с ним и скажу.

— Да, но вы должны увидаться, как можно раньше! Не могу же я, согласитесь, париться под этой тяжелой душной крышкой.

В тот день я был чем-то занят, а на другой день мне позвонили по телефону:

— Алло! Это я, Аверченко.

— Слушайте, голубчик... Ну, что были вы уже у вашего Муртачева?

— Клусачева, вы хотите сказать.

— Ну, да. Не могу же я ждать, согласитесь сами. Вы уже были у него?

— Только вот собираюсь. Ведь этот завод на краю города. Уж у меня и извозчик заказан. Сейчас еду.

Действительно, нужно было ехать. Клусачев был хороший человек и встретил меня тепло.

— А, здравствуйте! Вот приятный гость.

— Ну, скажите мне спасибо: я вам заказик принес.

— А что такое?

— Верх для автомобиля одному моему приятелю.

— У него ландолэ?

— Н...не знаю. Может оно, действительно, так и называется. Беретесь?

— Взяться-то можно, только ведь эта штука не дешевая. Обыкновенно, думают, что она дешевая, а она не дешевая.

— Ну, вы бы по знакомству скидку сделали.

— Скидку? Ну, для вас можно сделать по своей цене. Ладно! Обыкновенно, эти заказы

не особенно интересны, но раз вы просите — какие же могут быть разговоры...

Все краски в моих глазах сразу потускнели и сделались серыми... Эти люди не видели в моих хлопотах простого желания сделать им приятное, а упорно придавали всему делу вид личного мне одолжения.

Едучи обратно, я думал: что стоило бы мне просто промолчать, в то время, когда Туркин начал разговор об этом верхе... Он бы заказал его в другом месте, а Клусачев, конечно, прожил бы сам по себе и без этого заказа.

Некоторые писатели глубокомысленно сравнивают жизнь с быстро мелькающим кинематографом. Но кинематограф, если картина не нравится, можно пустить в обратную сторону, а проклятая жизнь, как бешеный бык, прет и ломит вперед, не возвращаясь обратно. Хорошо бы (думал я) повернуть несколько дней моей жизни обратно до того места, когда Туркин сказал:

«Нужно сделать откидной верх»... Взять бы после этого и промолчать о Клусачеве.

Не течет река обратно...

— Алло Вы?

— Да, это я.

— Слушайте, голубчик! Уже прошло три дня, а от вашего Кумачева ни слуху, ни духу.

— Клусачева, а не Кумачева.

— Ну, да! Дело не в этом, а в том, что уже пошли жаркие дни, и мы с женой буквально варимся в автомобиле.

— Да я был у него. Он обещал позвонить по телефону.

— Обещал, обещал! Обещанного три года ждут.

Я насильственно засмеялся и сказал успокоительно:

— За то он ради меня дешево взял. По своей цене. Всего 200 руб.

— Да? Гм!.. Странная у них своя цена... а мне в Невском гараже брались сделать за 180, и с подъемным стеклом... Ну, да ладно... Раз вы уже заварили эту кашу — приходится ее расхлебывать.

Сердце мое похолодело: подъемное стекло! А вдруг этот Клусачев делал свои расчеты без подъемного стекла?

— Хорошо, — ласково сказал я. — Я с ним... гм... поговорю... ускорю... Всего хорошего.

— Алло! Это вы, Клусачев?

— Я!

— Слушайте! Что же с Туркиным?

— А что такое?

— Вы, оказывается, до сих пор не сняли мерки?

— Да все некогда. У нас теперь масса работы по ремонту. Собственно говоря, мы бы за этот верх и совсем не взялись, но раз вы просили, я сделал это для вас. Завтра сниму мерку...

— Алло! Вы?

— Да, я. Аверченко.

— Слушайте, что же это ваш Крысачев — снял мерку, да и провалился. Уже неделя прошла. Я не понимаю такого поведения: не можешь, так и не берись... Наверное, он какой-нибудь аферист...

— Да нет же, нет, — сказал я умиротворяюще. — Это прекрасный человек! Редкий отец семейства. Это и хорошо, что он так долго не появляется. Значит, уже делает.

— О, Господи! Он, вероятно, к осени сделает этот злосчастный верх? Имейте в виду, если через три дня верха не будет — не приму его потом. И то, эту отсрочку делаю только для вас.

— Алло! Вы, Клусачев?

— Я.

— Слушайте, милый! Ведь меня Туркин ест за этот верх. Когда же...

— А, пусть ваш Туркин провалится! Он думает, что только один его верх и существует на свете. Вот навязали вы мне на шею горе-злосчастное. Прибыли никакой, а минутки свободной дохнуть не дадут.

— А он говорил, — несмело возразил я, — что у него брались сделать этот верх за 180 рублей...

— Так и отдавал бы! Странные люди, ей Богу. В другом месте им золотые горы сулят, а они сюда лезут!

На моем письменном столе прозвенел телефонный звонок.

Я снял трубку, приложил ее к уху и предусмотрительно пропищал тоненьким женским голосом:

— Алло? Кто говорить?

Сердце мое чуяло: говорил Туркин.

— Барин дома?

— Нетути, — пропищал я. — Уехамши. Куда-а-а?

— В Финляндию.

— А чтоб его черти забрали, твоего глупого барина. Надолго?

— На пять ден.

— Послушай, передай ему, что так порядочные люди не поступают! Чуть не тридцать градусов жары, а я по его милости должен жариться в проклятой душевной коробке.

— Слушаю-с, — пропищал я. — Хорошо-с.

Я дал отбой и, переждав минуту, позвонил Клусачеву.

— Алло! — сказал я. — Квартира Клусачева?

— Да, — сказал женский голос. — Вам кого?

— Клусачев дома?

— Дома. А кто говорить?

— Аверченко.

— Аверченко говорит, — сказал женский голос кому-то в сторону.

— А ну его к черту! — послышался отдаленный мужской голос. — Скажи, что только что я ушел.

— Вы слушаете? Только что вышел барин. Сию минутку. Я-то думала, что он дома, а он, гляди, вышел.

— Когда же он вернется? — терпеливо спросил я.

— Когда вернетесь? — справился женский голос.

— Скажи ему, что я... ну, уехал в Финляндию; вернусь через три дня, что ли.

— Уехали в Финляндию, — повторил рабски женский голос... — через три дня.

Я швырнул трубку, бросился на диван, и закрыл лицо руками: мне представлялся Туркин, носящийся в своем глухом закрытом автомобиле по жарким душным городским улицам, и редкие прохожие, заглянув в автомобильное окно, в ужасе шарахаются при виде чьего-то красного, мокрого, обваренного жгучей духотой лица, черты которого искажены бешенством и злобой.

С этого часа я безмерно полюбил столь редкую летом холодную сырую погоду. Дождь, ветер облегчали и освежали меня. Наоборот, жара действовала на меня ужасно: красное исковерканное бешенством призрачное лицо, выглядывающее из черного мрачного гробообразного автомобиля, чудилось мне.

В этот жаркий день я был именинником, хотя в календаре Аркадий и не значился: гуляя по улице, я увидел открытый автомобиль с прекрасным парусиновым верхом. В нем сидел Туркин.

— А, — приветливо сказал я. — Поздравляю! Довольны?

— Ну, знаете, не могу сказать. Тянул, тянул этот Чертачев ваш.

— Клусачев, — печально улыбнулся я.

— Клусачев он или кто, но содрать за парусиновый верх без подъемного стекла 200 рублей — это грабеж! Удружили вы мне, нечего сказать.

Я вздохнул, похлопал рукой по кузову автомобиля и бесцельно спросил:

— Ландолэ?

— Ландолэ. Посоветовали вы мне, нечего сказать.

— Алло! Клусачев?

— Да, я. Кто говорит?

— Аверченко. Хорошо съездили?

— Куда?

— В Финляндию.

— В какую там Финляндию?! Ах, да... Как вам сказать... Уж больно я истрепался за последнее время. Один ваш этот Туркин все жилы вымотал. Работа хлопотливая, прибыли ни копейки, да еще из-за этого выгодный заказ один потеряли. Посоветовали, нечего сказать!..

Это сообщение отредактировал **БодрыйТок** - 2.11.2016 - 13:26

[Read Full Article](#)